

Обзорная статья
УДК 343
EDN YAAACG
DOI 10.17150/2411-6122.2024.1.15-26

Феномен уголовно-процессуального принуждения: полемические заметки

В.А. Азаров

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск,
Российская Федерация, kafprokrim@mail.ru

Аннотация. Статья носит обзорный характер и посвящена содержанию научной полемики, состоявшейся, в том числе, в рамках публичной защиты ряда кандидатских и докторских диссертаций, с участием автора статьи, как правило, в ранге официального оппонента. Предметом научного анализа является феномен уголовно-процессуального принуждения и его связь с принципом публичности (официальности) уголовного судопроизводства. Обосновывается идея о первичности последнего явления и производности первого. Показаны стержневые компоненты принципа публичности, дается адекватное соотношение категорий «уголовное преследование» — «обвинение», определяется значение и место данных понятий в системе основных концептов уголовно-процессуальной доктрины и одноименного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, публичность, уголовное преследование, обвинение, задержание подозреваемого, меры пресечения.

Для цитирования: Азаров В.А. Феномен уголовно-процессуального принуждения: полемические заметки / В.А. Азаров. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.1.15-26. — EDN YAAACG // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 1. — С. 15–26.

Review Article

The Phenomenon of Criminal Procedure Coercion: Polemical Notes

V.A. Azarov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, the Russian Federation, kafprokrim@mail.ru

Abstract. The article presents an overview of the problem, and is devoted to research discussions some of which took place during public defenses of a number of Ph.D. and Post-doctoral theses, and in which the author participated, usually in the capacity of an official opponent. The object of research analysis is the phenomenon of criminal procedure coercion and its connection with the principle of the public (official) character of criminal proceedings. It is proven that the latter concept is primary, while the former one is derivative. The author shows the core components of the principle of public character and presents an adequate correlation between the categories “criminal prosecution” and “indictment”, and determines the role and place of these concepts in the system of key concepts of the criminal procedure doctrine and the eponymous legislation.

Keywords: criminal procedural coercion, public character, criminal prosecution, indictment, detention of a suspect, restraint measures.

For citation: Azarov V.A. The Phenomenon of Criminal Procedure Coercion: Polemical Notes. *Sibirskie Ugolovno-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no 1, pp. 15–26. (In Russian). EDN: YAAACG. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.1.15-26.

Основой уголовно-процессуального принуждения безусловно является публичность одноименной отрасли российского права. Именно публичный характер уголовно-процессуального права продуцирует закрепленную в ст. 21 УПК РФ обязанность осуществления уголовного преследования лиц, совершивших преступления, возлагаемую государством на следователя, прокурора, дознавателя и орган дознания.

Перечисленные властные субъекты уголовного процесса в каждом случае обнаружения признаков преступления уполномочены принимать соответствующие меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в его совершении (ч. 2 ст. 21 УПК РФ).

Любопытно, что законодатель посвятил «уголовному преследованию» самостоятельную — третью главу УПК РФ, где определил его виды и субъектов, участвующих в этой **деятельности**. Одновременно в п. 55 ст. 5 УПК РФ разъясняется, что уголовное преследование — «процессуальная **деятельность** (выделено нами — В.А.), осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

Наша акцентуация термина «деятельность» позволяет причислить уголовное преследование к разряду уголовно-процессуальных функций, поскольку упомянутый эпитет является ключевым при определении их понятия, как основных направлений **деятельности** субъектов уголовного процесса [1, с. 203–207].

В тоже время, в ст. 15 УПК РФ в качестве таковых называются функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, а обвинение в п. 22 ст. 5 УПК РФ интерпретируется как «**утверждение** о совершении определен-

ным лицом преступления» (выделено нами — В.А.), что явно не способствует единообразному пониманию существа, ранга и соотношения категорий уголовного преследования и обвинения.

В этой связи более правильным было бы посчитать уголовное преследование и обвинение квинтэссенцией публичности, а последнюю поместить в главу 2 УПК РФ в качестве одного из принципов отечественного уголовного процесса [2, с. 14–15]. Кстати, именно так и поступил советский законодатель, отразивший данный принцип в ст. 3 УПК РСФСР, поименованной: «Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления». Г.С. Русман справедливо подчеркивает особую роль этого важнейшего положения в уголовном процессе, отмечая, что публичное начало «выступает **системообразующим основанием** (выделено нами — В.А.) уголовно-процессуальной деятельности государства в целом, поскольку только оно уполномочено на осуществление правосудия по уголовным делам. В этой связи публичность является единственным методом функционирования уголовного судопроизводства, и определяет его сущность ввиду чрезвычайной значимости данного вида деятельности государства» [3, с. 22].

И все же, если оценивать уголовное преследование и обвинение в качестве одной из основных уголовно-процессуальных функций, то именно для достижения ее целей (установление события преступления, изобличение виновных в нем лиц) законодателем сконструирована система мер уголовно-процессуального принуждения, позволяющая следователю и его «коллегам по отряду субъектов уголовного преследования» преодолеть препятствия на пути выполнения задач уголовного судопро-

изводства. Применение мер уголовно-процессуального принуждения при производстве по уголовному делу часто вызывает острую реакцию субъектов, к которым эти меры применяются. Это вполне закономерно, так как их реализация всегда связана с ограничением прав, свобод и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовный процесс [4, с. 3, 12–13]. Поэтому актуальность научных исследований сферы применения мер уголовно-процессуального принуждения перманентна. Между тем, не смотря на повышенное внимание процессуалистов к данной проблематике (только в личной библиотеке автора статьи насчитывается более 40 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, успешно защищенных по этой тематике), многие вопросы, касающиеся применения системы принудительных мер при производстве по уголовному делу, остаются и сегодня либо до конца невыясненными, либо понимаются специалистами по-разному.

За последние 20 лет нам довелось поучаствовать (в основном — в качестве официального оппонента) в обсуждении двенадцати представленных к публичной защите кандидатских и докторских диссертаций, посвященных разным аспектам применения мер уголовно-процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. Внимательное изучение этих работ, кстати, успешно защищенных, подвигло нас к научной полемике с их авторами. Нижеприведенные оценки и суждения, высказанные нами соискателям, полагаем, могут быть полезны читателю, которому интересны проблемы уголовно-процессуального принуждения.

Так, в 2006 г. в диссоте Южно-Уральского государственного универ-

ситета, при защите кандидатской диссертации Г.С. Русман [5] нами были высказаны следующие суждения:

1. В постановке проблемы и в содержании достигнутых теоретических результатов **присутствует научная новизна**, адекватная требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, что аргументировано в официальном отзыве.

В связи с этим несколько удивляют самооценки автора, в соответствии с которыми «научная новизна... заключается в том, что впервые... разработаны **предложения по совершенствованию норм уголовно-процессуального законодательства** (выделено нами — В.А.) в сфере применения указанных мер пресечения под контролем суда... в условиях действия УПК РФ» [5, с. 7].

Во-первых, наличие предложений по совершенствованию законодательства свидетельствует, по общепризнанным оценкам, **о практическом значении диссертации**, что верно отмечено на стр.12 работы.

Во-вторых, «в условиях действия УПК РФ» другими авторами уже генерированы предложения по совершенствованию законодательства, касающегося судебного контроля за применением названных мер пресечения, что достаточно подробно обсуждается в тексте диссертации. Вполне понятно (и совершенно естественно), что **аналогичные** предложения Г.С. Русман самостоятельны и оригинальны.

В действительности же **научная новизна** результатов настоящего исследования состоит в том, что автором выявлены и проанализированы **системные свойства судебного контроля** за законностью и обоснованностью избрания **однородных мер пресечения**, наиболее существенно ограничивающих личную свободу подозреваем-

мого и обвиняемого: заключения под стражу и домашнего ареста. Содержание работы свидетельствует: именно научная интерпретация упомянутых системных свойств помогла диссертантке создать **теоретическое обоснование практических предложений** по совершенствованию соответствующих норм УПК РФ.

Отмеченные в официальном отзыве фрагменты упомянутого обоснования как раз и составляют **новый вклад** Г.С. Русман в уголовно-процессуальную теорию.

2. Вызывает возражения **попытка диссертантки квалифицировать решение** об избрании меры пресечения — заключения под стражу или домашнего ареста, как **справедливое** (либо, несправедливое) [5, с. 30–31].

Здесь представляется достаточным употребление традиционных критериев **законности и обоснованности** анализируемого решения. Нравственной оценки, с моей точки зрения, заслуживает **лишь итоговое решение** по уголовному делу, изложенное в судебном приговоре, где речь идет о виновности и мере наказания.

3. Вряд ли оправдан вывод автора о **множественности** судебных функций в предварительном уголовном производстве [5, с. 7–67].

Представляется, что на двух первоначальных стадиях уголовного процесса суд причастен к реализации единственной уголовно-процессуальной функции — судебного контроля. В рамках отправления данной функции осуществляется, в частности, охрана неприкосновенности личности, личной свободы, частной жизни, личной и семейной тайны и т.д.

4. Недостаточно убедительны суждения о запрете судье «затрагивать вопрос о виновности или невиновности

лица, которому избирается мера пресечения заключение под стражу или домашний арест» [5, с. 115–116].

Здесь нужно правильно понимать и адекватно комментировать известное Постановление Пленума Верховного Суда РФ, в котором судье не рекомендуется «**входить в обсуждение** (выделено нами — В.А.) вопроса о виновности лица в инкриминированном ему преступлении» (см. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — №5). **Обсуждение** судом любого вопроса (в т.ч. — и вопроса о виновности обвиняемого) предполагает **публичное вербальное судебское проявление**, иначе говоря — гласное «озвучивание» своей позиции. Это действительно недопустимо при решении судьей вопроса об избрании обвиняемому одной из вышеназванных мер пресечения. Закон и судебная этика позволяют судье публично высказаться по главному вопросу — о виновности — лишь в приговоре по уголовному делу. Но — судья не в состоянии вынести правильное решение об избрании меры пресечения, не определив «для себя» — причастен ли обвиняемый (подозреваемый) к преступлению, в связи с которым избирается мера пресечения. Необходимость решения судьей вопроса о виновности в данной ситуации продиктована **юридической конструкцией оснований** избрания меры пресечения — заключения под стражу или домашнего ареста. Непременным элементом структуры этих оснований являются, по общему признанию (с чем, кстати, согласна Г.С. Русман — см. С. 112 работы), **доказательства, уличающие обвиняемого, подозреваемого в совершении преступления**.

В 2008 г. в диссертации Байкальского государственного университета экономики и права, при защите кандидат-

ской диссертации Р.В. Орловым [6] в его адрес прозвучали следующие сомнения и оценки:

1. Р.В. Орлов напрасно возражает профессору М.С. Строговичу, с нашей точки зрения обоснованно утверждавшему, что заключение под стражу «применяется в случаях, когда только эта мера пресечения может обеспечить успешность раскрытия преступления и изобличения преступника» [6, с. 92–93].

На самом деле, уважаемый профессор М.С. Строгович здесь совершенно прав, поскольку из смысла им сказанного следует, что самая тяжелая мера пресечения, естественно, при наличии к тому оснований, применяется тогда, когда прогнозируется, исходя из обстоятельств дела и личности обвиняемого, что иные меры пресечения будут неэффективными, позволив ему скрыться или иным образом препятствовать раскрытию преступления или его изобличению. Последнее составляет задачи уголовного судопроизводства, выполнению которых, в конечном счете, подчинены все меры пресечения, включая заключение под стражу.

2. Вряд ли правильна по существу попытка автора вывести из структуры оснований для избрания меры пресечения — заключения под стражу **доказательства причастности обвиняемого к преступлению** [6, с. 112–113].

В действительности же, не определившись с выводом о достаточности обвинительных доказательств, невозможно принять законное и обоснованное решение об избрании данной меры пресечения. Это подтверждается и позицией Верховного Суда Российской Федерации, в своем постановлении запретившего судье, разрешающему ходатайство следователя о заключении под стражу, **входить в обсуждение**

вопроса о виновности обвиняемого. Для себя же этот вопрос судья решить обязан — с тем, чтобы избежать ареста не причастного к преступлению человека. Запрещено судье на этом этапе лишь «озвучивать» свое мнение по вопросу виновности обвиняемого.

3. Вызывает принципиальные возражения вывод диссертанта о том, что «если при заключении под стражу был нарушен закон, то добытые при участии обвиняемого любые доказательства не могут быть использованы в доказывании обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу» [6, с. 94].

На самом деле в данном случае соискатель произвольно расширяет диапазон действия ст. 75 УПК РФ — о недопустимых доказательствах. Не трудно представить ситуацию, когда незаконно арестованный обвиняемый, под «гнетом» имеющихся в уголовном деле обвинительных доказательств дал самоизобличающие показания и указал местонахождение предметов, документов, имеющих отношение к расследуемому уголовному делу.

Положительные результаты обыска (или выемки) упомянутых объектов, при условии соблюдения процедуры данных следственных действий, несомненно будут иметь доказательственное значение.

О том же, что сегодня оцениваются в ранге полноценных доказательств самоизобличающие показания незаконно арестованного обвиняемого, однозначно свидетельствует содержание предлагаемого диссертантом дополнения ст. 75 УПК РФ [6, с. 94].

4. Сомнителен вывод Р.В. Орлова о причислении к источникам российского уголовно-процессуального права «общепризнанных принципов и норм

международного права» [6, с. 69, 88]. Это распространенное заблуждение, продуцированное популистским решением 1993 года о включении Конституцией России т.н. «общепризнанных принципов и норм международного права» во внутрисударственную правовую систему, да еще на приоритетных началах.

Данную ошибку повторяет отраслевое (в нашем случае уголовно-процессуальное) законодательство. Комментирует ситуацию Верховный Суд РФ, пытаются ее объяснить и теоретики.

В действительности же трудно себе представить, как практически, принимая процессуальные решения при производстве по делу, следователь, дознаватель, прокурор или суд должны применять пресловутые «общепризнанные принципы и нормы международного права», если они не закреплены в конкретных международных договорах, Конвенциях, подписанных Российской Федерацией. Если же такие «основополагающие императивные нормы» закреплены в международном нормативном акте, значит, они должны квалифицироваться, как часть «международных договоров Российской Федерации», что является самостоятельным источником отечественного уголовно-процессуального права (см. ст. 1 УПК РФ).

Таким образом, упомянутые «общепризнанные принципы и нормы международного права» — миф. Это несуществующий (или — совершенно неопределенный) феномен, о наличии и содержании которого бесконечно спорят специалисты в области международного права. Он должен быть удален из ст. 1 УПК РФ и не может расцениваться в ранге источника уголовно-процессуального права.

5. Отмечая высокую научную добросовестность соискателя (им изучено 383 законодательных, научных и иных источника), констатируем, что к сожалению, мимо его внимания прошла фундаментальная работа, в которой обстоятельно рассмотрены теоретические аспекты применения уголовно-процессуальных норм о заключении под стражу. Речь о монографии профессора Б.Б. Булатова, изданной в 2003 г. в Омской академии МВД России [7].

В 2009 г. в диссертации Кубанского государственного университета, в ходе защиты кандидатской диссертации В.В. Демирчян [8], мы отметили следующие небесспорные позиции автора:

1. В.В. Демирчян, предлагая конкретизировать пределы ограничения субъективных прав подозреваемого, обвиняемого в ходе применения к ним мер уголовно-процессуального принуждения, определяет понятие неприкосновенности частной жизни как право на невмешательство в личную жизнь, неразглашение личных и семейных тайн, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых и телеграфных и иных сообщений, а также информации личного характера, невозможность проникновения в жилое помещение без воли лиц, в нем проживающих, гарантированное от противоправных посягательств со стороны государственных органов в отношении субъектов уголовного процесса, к которым применяются правоограничительные меры, в том числе, носящие принудительный характер. На этой основе, в первом положении, выносимом на защиту, предлагается закрепить неприкосновенность частной жизни в качестве принципа уголовного процесса.

Данное предложение, с нашей точки зрения, избыточно. Подобная идея выдвигалась и ранее, однако, убеди-

тельных аргументов в пользу ее практической реализации и закрепления в уголовно-процессуальном праве, к сожалению, не приведено.

К тому же, отдельные предписания, в целом составляющие неприкосновенность частной жизни уже закреплены в нормах — принципах уголовно-процессуального закона.

2. В том же самом положении В.В. Демирчян предлагает «Ввиду социальной и уголовно-процессуальной значимости данного права... в ст. 10 УПК РФ предусмотреть недопустимость задержания, заключения под стражу и иного ограничения прав в отсутствие оснований, а также сверх сроков, установленных УПК РФ».

Первая часть настоящего положения, с нашей точки зрения, очевидна, поскольку любой теоретический и практический вопросы в сфере уголовно-процессуальной деятельности необходимо рассматривать с позиций оценок Конституции РФ о наивысшей ценности человека, его прав и свобод. А в данном случае рассматриваемое положение закреплено как в ст. 10 УПК РФ, так и в ст. ст. 22, 23 Конституции РФ.

Во второй части вышеупомянутого научного результата автор, упоминая уголовно-процессуальные сроки, не учел пробелы, имеющиеся, например, в ст. 162 УПК РФ. Так, относительно срока содержания под стражей ч. ч. 3, 4 ст. 109 УПК РФ однозначно говорят о том, что он не может превышать 18 месяцев и дальнейшее его продление не допускается. В статье же 162 УПК РФ не определен предельный срок расследования уголовного дела. Из этого следует потребность объяснений указанных разночтений и согласования анализируемых сроков.

3. В третьем положении (из числа основных) утверждается, что «огра-

ничение прав подозреваемого, обвиняемого — это совокупность действий (бездействия) и решений властных субъектов уголовного судопроизводства... направленных на сокращение объема принадлежащих подозреваемому, обвиняемому прав, стеснение его в осуществлении этих прав, лишение возможности воспользоваться каким-либо принадлежащим ему правом... Ограничение прав подозреваемого, обвиняемого достигается путем применения мер процессуального принуждения, принятия решений производства следственных действий, а также иных решений и процессуальных действий властных субъектов уголовного судопроизводства».

Эти выводы соискателя представляются нам аксиоматичными и не требующими доказывания. Общеизвестно, что ограничению прав свойственен принудительный характер, оно сокращает объем прав, либо лишает субъекта возможности их использования. На наш взгляд, предполагаемый вывод очевиден и не требует специального обоснования.

В 2015 г. в диссоте Уральского государственного юридического университета защищена кандидатская диссертация Р.Г. Бикмиевым [9]. Наши суждения и оценки научных достижений диссертанта состояли в следующем:

1. В параграфе 2.3. главы 2, именуемом «Судебное заседание и виды судебных решений при временном отстранении от должности подозреваемого или обвиняемого» рассматриваются процедуры проведения судебного заседания как формы правосудия в досудебном производстве и система судебных решений, а также требования, предъявляемые к процессуальным документам. Соискатель достаточно

скрупулёзно анализирует судебный порядок рассмотрения ходатайства следователя (дознателя) и выявляет соответствующие проблемы в этом направлении, однако чёткий алгоритм и структура механизма судебного контроля при отстранении от должности в досудебном производстве по уголовному делу в тексте диссертации автором так и не представлены.

2. Высказывая мнение по поводу применения временного отстранения от должности наряду с избранием меры пресечения [9, с. 167], Р.Г. Бикмиев не рассматривает вопросы о том, что 1) суд может отказать в удовлетворении ходатайства в применении той меры пресечения, о которой просит следователь и 2) каким образом надлежит отстранять обвиняемого, подозреваемого от должности в случае применения меры пресечения, не связанной с лишением свободы. На наш взгляд, в первом варианте принятие своевременного решения об отстранении от должности будет являться безусловной гарантией недопустимости оказания противодействия процессу расследования со стороны подозреваемого (обвиняемого). Во второй ситуации, считаем, вопросы, связанные с отстранением от должности, должны решаться в обязательном порядке, если преступление сопряжено с выполнением подозреваемым (обвиняемым) должностных полномочий. Здесь требуются дополнительные объяснения диссертанта.

3. Автором отмечено, что по общим правилам уголовного судопроизводства в судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь, дознаватель, а также подозреваемый, обвиняемый и адвокат [9, с.206]. Действительно, в ст. 114 УПК РФ не предусматривается возможность участия

потерпевшего и его представителя в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности. Однако, по нашему мнению, потерпевший и его представитель все же вправе участвовать в судебном заседании при рассмотрении этих ходатайств, а также они могут обжаловать принятое судом решение, что обеспечит возможность реализации права данных участников уголовного судопроизводства на защиту своих интересов. В этой связи небезынтересны пояснения автора в отношении объема прерогатив и действительной роли потерпевшего и его представителя в процедуре рассмотрения ходатайства о временном отстранении подозреваемого, обвиняемого от должности.

4. Диссертантом в параграфе, посвященном особенностям применения временного отстранения от должности в отношении отдельных категорий лиц, проведён содержательный этимологический анализ юридической терминологии, используемой законодателем. В частности, весьма продуктивно интерпретируются и сравниваются такие понятия, как «должность», «служащий», «должностное лицо», «должностные полномочия», «служебные полномочия», «профессиональная деятельность» [9, с. 179–203].

В связи с этим уместно было бы провести системный анализ и таких категорий, как, «дисквалификация» и «деквалификация», что значительно обогатило бы этот раздел диссертационного исследования. Тем более, что некоторые учёные-процессуалисты отстранение от должности порой называют дисквалификацией. Однако, на наш взгляд, уголовно-процессуальное понятие временного отстранения от должности лишь вытекает из более

общего понятия дисквалификации. Как представляется, дисквалификация означает объявление кого-либо недостойным или неспособным занимать определённую должность или исполнять конкретную работу. Отстранение от должности чаще всего на практике обосновывается дискредитацией занимаемой должности.

В 2018 г. в диссоте Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева С.И. Вершининой защищена докторская диссертация [10].

При высокой общей оценке результатов проведенного исследования, в рамках публичной защиты С.И. Вершининой нами были высказаны следующие сомнения и возражения:

1. В обсуждаемой диссертации предлагается новая и, в целом — достаточно убедительная **классификация форм применения норм процессуального принуждения**. В частности, они поделены на упрощенные, основные, контрольные и исключительные [10, с. 210–211].

Любая научная классификация, как известно, может считаться безупречной **лишь при наличии абсолютно определенного критерия** размежевания анализируемых объектов. Вместе с тем, критерий, уложенный автором в основание предлагаемой классификации, не до конца выдержан. На странице 16 диссертации он сформулирован как «различия в структуре и содержании **уголовно-процессуальной деятельности**», а на странице 210 — «структурные и содержательные особенности **реализуемых... норм**» (выделено нами — В.А.). Уголовно-процессуальная **деятельность**, конечно же, явление гораздо более многозначное, нежели чем **правовые нормы**, лежащие в основе ее реализации. В силу

этого, требует однозначного уточнения формула приведенного критерия.

2. Соглашаясь с выводом о том, что «меры пресечения, содержащиеся в главе 13 УПК РФ, не смотря на свое название, имеют не столько пресекательный, сколько превентивный характер» [10, с. 43], (что, кстати, прямо следует из содержания оснований их избрания), обращаем внимание на их безальтернативное причисление в диссертации **к пресекательным видам уголовно-процессуального принуждения** [10, с. 44]. Данное противоречие нуждается в объяснении автора.

3. Не вполне последовательны оценки С.И. Вершининой **о ранге и субъектах выполнения задачи раскрытия преступлений**. В этой связи, в частности, утверждается: «Вряд ли разумно ставить одни и те же задачи для различных видов правовой деятельности» [10, с. 52]. И в тоже время, делается вывод о причастности органов предварительного расследования к раскрытию преступлений [10, с. 53, 54].

Представляется, все же, что законодатель **совершенно определенно** поставил данную задачу перед органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (см. ст. 2 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Кроме того, из ряда норм УПК РФ (ст. 21, 73 и др.) вытекает, что задача раскрытия преступлений также стоит и перед органами предварительного расследования.

Эта **общая задача** на практике выполняется совместными усилиями как органов расследования, так и представителей оперативных аппаратов соответствующих правоохранительных ведомств. Но она требует **буквального** закрепления в УПК РФ по схеме, имевшей место в ст. 2 УПК РСФСР.

4. Не можем согласиться с выводом об избыточности п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, формулирующего задачу защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений [10, с. 57]. Предлагаемое изъятие данного предписания из УПК РФ не компенсирует наличие в ст. 6 УПК РФ положения о необходимости «защиты личности от незаконного и необоснованного ограничения ее прав и свобод», в котором акцент смещен в направлении обеспечения социальных благ участников, вовлекаемых в производство следственных и процессуальных действий.

Смысл же п.1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ — в **персональной защите именно субъектов, пострадавших от преступных посягательств**. И такая их персонализация — несомненное достижение УПК РФ, впервые поставившего потерпевшего от преступления в более приоритетное (по сравнению с другими участниками) положение.

5. Отмечая основательность и глубину исследования в диссертации одной из самых острых принудительных мер — задержания подозреваемого в совершении преступления, мы не разделяем сомнения и оценки автора в трактовке его целей и мотивов. [10, с. 237–238]. Установление причастности лица к преступлению — традиционная цель задержания подозреваемого. В связи с этим, неверно утверждение о необходимости установления причастности к преступлению **до момента задержания подозреваемого**. Сам факт его задержания чаще всего лишь создает реальные возможности обретения доказательств его причастности к преступлению. И основания задержания (см. ч. I и II ст. 91 УПК РФ) практически всегда возникают **до** (а не после, как утверждает автор) **окончательно-**

го установления причастности лица к преступлению. После задержания такого лица, что вполне естественно, резко расширяются возможности органа расследования для проверки предположения о его причастности.

Вряд ли правильно, в этой связи, считать целями задержания предупреждение попыток подозреваемого скрыться, воспрепятствовать установлению значимых обстоятельств и т.д. Эти намерения лица, если о них становится известно следователю, всегда **мотивировали** последнего на принятие решения о его задержании в качестве подозреваемого, и это — правильная оценка ситуации. Поэтому, вряд ли следует, как это считает С.И. Вершинина, исключать требование о необходимости мотивировки решения о задержании подозреваемого из текста УПК РФ [10, с. 242, 253].

Кстати, подтверждение правильности этих наших суждений и выводов мы находим в работах отечественных процессуалистов. Так, к примеру, А.А. Тарасов полагает, что, если прямые основания, дающие органу расследования право на задержание конкретного лица в качестве подозреваемого, появляется в том числе в момент его фактического захвата в месте совершения преступления или неподалеку от него, то установление его причастности к преступлению осуществляется при дальнейшем расследовании уголовного дела [11, с. 63–64].

В.Н. Григорьев обоснованно считает, что целями задержания подозреваемого является выяснение причастности лица к преступлению и разрешение вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу [12, с. 69].

В обстоятельнейшей монографии С.Б. Россинского весьма убедитель-

но проводится размежевание целей и мотивов задержания подозреваемого в совершении преступления. Этим категориям автор придает самостоятельное значение. В частности, сетуя на то, что в УПК РФ отсутствует буквальное упоминание о целях задержания [13, с. 43, 46], С.Б. Россинский причисляет к основным целям установление причастности задержанного к преступлению и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста. Кроме того, в книге называются дополнительные цели задержания: воспрепятствование противодействию расследованию и пресечение иной преступной

деятельности [13, с. 48], с чем вряд ли можно согласиться. Последнее, скорее является мотивами задержания подозреваемого, поскольку именно сведения, подтверждающие упомянутые обстоятельства позволяют следователю спрогнозировать высокую вероятность противоправного поведения задерживаемого субъекта, и принять решение о его задержании.

Надеемся, что представленные в этой статье размышления, суждения и оценки в состоянии послужить основой для отыскания направлений дальнейших научных изысканий в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения.

Список использованной литературы

1. Азаров В.А. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России: монография / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. — Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. — 379 с.
2. Азаров В.А. Процессуальные средства обеспечения неотвратимости уголовной ответственности на постсоветском пространстве / В.А. Азаров // Состояние и перспективы развития юридической науки: материалы Международ. науч.-практ. конф., Ижевск, 31 марта 2006 г. — Ижевск, 2006. — Ч. 2. — С. 10–18.
3. Русман Г.С. Реализация принципа публичности в механизме освобождения от уголовной ответственности в связи позитивным посткриминальным поведением: монография / Г.С. Русман. — Москва: Проспект, 2023. — 144 с.
4. Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. — Москва: Юрлитинформ, 2017. — 368 с. — EDN XGONNF.
5. Русман Г.С. Судебный контроль за избранием мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г.С. Русман. — Челябинск, 2004. — 220 с.
6. Орлов Р.В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.В. Орлов. — Иркутск, 2008. — 247 с.
7. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: монография / Б.Б. Булатов. — Омск: Омская академия МВД России, 2003. — 320 с. — EDN ZUIFIN.
8. Демирчян В.В. Ограничение права подозреваемого, обвиняемого на неприкосновенность личности и частной жизни в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Демирчян. — Краснодар, 2010. — 245 с.
9. Бикмиев Р.Г. Временное отстранение от должности подозреваемого или обвиняемого в уголовном судопроизводстве: сущность, значение и правовые последствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.Г. Бикмиев. — Казань, 2015. — 368 с.
10. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.09 / С.И. Вершинина. — Тольятти, 2017. — 430 с.
11. Тарасов А.А. С.А. Шейфер о познавательной сущности задержания подозреваемого / А.А. Тарасов. — EDN XQYQDB // Юридический вестник Самарского университета. — 2017. — Т. 3, № 4. — С. 63–67.

12. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. — Москва: ЮрИнфор, 1999. — 542 с. — EDN VQYQTX.

13. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход: монография / С.Б. Россинский. — Москва: Проспект, 2019. — 192 с. — DOI 10.31085/9785392288205-2019-192. — EDN YYMNBB.

References

1. Azarov V.A., Tarichko I.Yu. *The Function of Court Control in the History, Theory and Practice of the Criminal Process of Russia*. Omsk State University Publ., 2004. 379 p.

2. Azarov V.A. Procedural Means of Ensuring the Inevitability of Criminal Liability in the Post-Soviet Countries. *The Condition and Prospects of the Development of Juridical Science. Materials of International Scientific Conference, Izhevsk, March 31, 2006*. Izhevsk, 2006. Pt. 2, pp. 10–18. (In Russian).

3. Rusman G.S. *Implementation of the Principle of Publicity in the Mechanism of Exemption from Criminal Liability Due to a Positive Post-Criminal Behavior*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 144 p.

4. Vershinina S.I. *Normative-legal Essence of Criminal Procedure Coercion*. Moscow, Yur-litinform Publ., 2017. 368 p. EDN: XGONNF.

5. Rusman G.S. *Court Control over the Selection of Measures of Restraint in Form of Detention, House Arrest*. Cand. Diss. Chelyabinsk, 2004. 220 p.

6. Orlov R.V. *The Use of Detention as a Measure of Restraint during the Preliminary Investigation in Russian Criminal Proceedings*. Cand. Diss. Irkutsk, 2008. 247 p.

7. Bulatov B.B. *State Coercion in Criminal Court Proceedings*. Omsk, Academy of the MIA of Russia Publ., 2003. 320 p.

8. Demirchyan V.V. *Restriction of the Right of the Suspect, the Accused to Invulnerability of the Person and Private Life in the Pre-trial Proceedings*. Cand. Diss. Krasnodar, 2010. 245 p.

9. Bikmiev R.G. *Temporary Removal from Office of the Suspect or the Accused in Criminal Proceedings: Essence, Significance and Legal Consequences*. Cand. Diss. Kazan', 2015. 368 p.

10. Vershinina S.I. *State Coercion in Criminal Proceedings: Normative Legal Nature and the Functioning Mechanism*. Doct. Diss. Tol'yatti, 2017. 430 p.

11. Tarasov A.A., Sheifer S.A. About the Cognitive Essence of the Detention of the Suspected. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta= Juridical Journal of Samara University*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 63–67. EDN: XQYQDB.

12. Grigor'ev V.N. *Detention of the Suspect*. Moscow, YuRInfop Publ., 1999. 542 p. EDN: VQYQTX.

13. Rossinskii S.B. *Detention of the Suspect: the Constitutional Intersectoral Approach*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 192 p. EDN: YYMNBB. DOI: 10.31085/9785392288205-2019-192.

Информация об авторе

Азаров Владимир Александрович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация.

Author Information

Azarov, Vladimir A. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head, Department of Criminal Procedure and Forensics, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 27.11.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.01.2024

Принята к публикации / Accepted 25.03.2024

Дата онлайн-размещения / Available online 29.03.2024